

РЕЦЕНЗИИ

Исаев Г. Г. Загадка А. Кусикова: творчество поэта в зеркале судьбы : монография / Г. Г. Исаев. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 168 с. – ISBN 978-5-9926-0579-2.

Спесивцева Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: krilovalubov@bk.ru.

Isaev G. G. A. Kusikov's riddle: creativity of the poet in a destiny mirror. – Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2012. – 168 p. – ISBN 978-5-9926-0579-2.

Spesivtseva Liubov V., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: krilovalubov@bk.ru.

На рубеже XX–XXI веков проблемы исследования творчества несправедливо «забытых» поэтов и писателей начала XX века приобретают особую значимость. Это связано с усилением внимания к сложным процессам, происходившим в литературе рубежа веков и повлиявшим на развитие русской культуры в целом.

Монография Геннадия Григорьевича Исаева, доктора филологических наук, профессора кафедры литературы Астраханского государственного университета, посвящена творчеству известного поэта 20-х годов XX века Александра Кусикова, входившего, наряду с В. Шершеневичем, А. Мариенгофом, И. Грузиновым и другими, в литературную группу имажинистов. Произведения поэта рассматриваются не только в контексте его судьбы, но и как «последовательное претворение "философии арлекианы", ставшей краеугольным камнем эстетики и поэтики имажинизма» (с. 2). В начале XX века театр становится своеобразным фокусом, в котором причудливо соединяются практически все сферы «нового» сознания «новой» эпохи – от эстетических до политических. Консервативный и динамичный одновременно, театр оказывается легко проницаемым для новых эстетических исканий, легко поддающимся на разного рода эксперименты, синтезировавшим художественные открытия всех видов искусства. На первый план выдвигается проблема театра как восстановления утраченного единства человека и природы, человека и мира. Поведение человека, стиль общения мотивируются эстетикой театрального действия. Черты маскарадности и условной театральности сюжетов проникают в поэзию. Категории маскарада и театра сливаются в понятие «лицедейство», подчеркивая не только характер эпохи, в которой оживает и преобразуется традиционная масковая образность, но и субъективное ощущение «нового» времени, позволяющее проникнуть в сущность и кажимость человека (Н.О. Осипова), что способствует расширению художественных функций и понятийных границ маски.

Имажинисты своеобразно восприняли «театральный текст», что отразилось в «игровом поведении», ставшем неотъемлемой частью жизни человека после событий 1917 года. Архетип «жизнь – игра» становится определяющим в творчестве имажинистов. Для А. Кусикова игра – «момент экзистенциального самоосуществления», «способ обретения собственного голоса в пространстве реальности и литературной традиции» (с. 5). Таким образом, книга Г.Г. Исаева актуальна постановкой проблемы и вписывается в одну из определяющих научных тенденций современной литературоведческой науки.

Главная цель автора монографии – «вернуть» А. Кусикова современному читателю, познакомить с биографией и творчеством имажиниста, раскрыть «театрализо-

ванный внутренний мир героя, который воплощает символически осознаваемый внутренний опыт поэта» (с. 160).

Несомненным достоинством книги Г.Г. Исаева является «вписанность» творчества А. Кусикова в сложный литературный процесс 1920-х годов, исследование произведений в контексте различных литературных традиций, которые оказали влияние на формирование эстетических взглядов поэта. Однако следовало бы, на наш взгляд, несколько расширить литературный контекст. Г.Г. Исаев пишет о том, что весь путь А. Кусикова «в литературе сопровождался постоянным мифологизированием своей жизни и творчества» (с. 14). Интересно было бы прокомментировать некоторые эстетические установки поэта в их соотношении с поэтикой русского символизма, в частности с творчеством К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, для которых тема Востока, как и в поэзии А. Кусикова, доминировала в разные периоды творчества (например, «азиатская» концепция русской революции, идущая от Вл.С. Соловьева).

Первое монографическое исследование творчества А. Кусикова отличается особой скрупулезностью отбора биографических и литературно-исторических фактов. В первой главе книги Г.Г. Исаев выявляет различные ипостаси «поэтической маски» имажиниста.

В первом сборнике стихов «Зеркало Аллаха» и в поэме «Искандер-наме» лирический герой предстает «восточным воином», «абреком», «диким горцем», «хитрым и злым черкесом»: «символика тайны, защиты, маскировки, трансформации помогла поэту в творческом самоопределении» (с. 13). Маску «поэта-декадента», «искателя тайны мироздания» А. Кусиков «примеряет» в момент глубокого душевного конфликта (книга «Сумерки»), пытаясь защититься «от современников, от жизни, от неидеального мира» (с. 28). В книгах «В никуда», «Птица безымянная», произведениях сборников «Коробейники счастья» поэт «творит маску пророка-мыслителя» (с. 40), который погружен в постижение тайн мироздания. Мотивы плачущего сердца и закрытой на «засов» груди, духовного надлома, исчезновения свободы из творческой жизни, поиска выхода из тупика определяют выбор маски «мученика», «кающегося и тоскующего по родине поэта», «поэта-коммуниста» (книги «Птица безымянная», «Рябка» – опубликованы в Берлине, поэма «Москва»). Выбор «поэтических масок» соответствует определенным этапам формирования личности А. Кусикова. Г.Г. Исаев убедительно доказывает тезис: в стихах поэта-имажиниста трансформируется лирический субъект, «прослеживается эволюция от "внутреннего человека" с его верой в Бога, не отчужденного от мира и себя, к экзистенциальному пророку-мыслителю, выразителю элегических мотивов» (с. 29).

Научная новизна исследования определяется и тщательным анализом жанровых форм, также свидетельствующих об эволюции поэтической системы А. Кусикова. Г.Г. Исаев интерпретирует произведения А. Кусикова в контексте традиций не только русской классической литературы (поэзия А. Пушкина, Ф. Тютчева; жанры молитвы, элегии, духовного стиха, романса), но и канонов персидской и арабской поэзии (например, жанр китаа – отрывок, фрагмент, использовался для выражения философской мысли или морального назидания; эксперименты с жанровой моделью рубаи в цикле «Рубайт»).

Интерес представляет вторая глава монографии, в которой книга «Аль-Баррак. Октябрьские поэмы» (опубликована в 1922 году в Берлине) А. Кусикова исследуется с точки зрения идейно-художественного своеобразия, определяющегося «игровыми принципами художественного видения и воплощения художественной картины мира», которые разрабатывались в программных документах имажинистов (с. 61).

Интерпретируя девять разных по объему произведений, вошедших в книгу «Аль-Баррак». Г.Г. Исаев опирается на одно из положений эстетики имажинизма, которое имело для поэта особое значение: «Образ – это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия» (с. 61). Автор монографии рассматривает концепты, пронизанные интертекстами христианской и исламской культур, убедительно доказывает, что архетип игры является сквозным в книге,

и отсюда – стремление лирического героя к перевоплощению в различных персонажей – пророка, сподвижника Мухаммада, мюрида, монаха, провозвестника новой религии, синтезирующей ислам и христианство и отсылающей к поэзии С. Есенина и В. Маяковского. Интересен, на наш взгляд, анализ программного произведения А. Кусикова, благодаря которому определяется своеобразие когнитивно-пропозиционной структуры текста: субъект – предикат – объект воздействия – цель воздействия – причина (с. 63). Г.Г. Исаев исследует книгу А. Кусикова как некий единый текст, связанный образом лирического героя, сквозными мотивами, хронотопом.

Впервые в истории литературы исследуется полемика имажиниста А. Кусикова с футуристом В. Маяковским. Целостный анализ поэмы А. Кусикова «Васильковский марш» в контексте творчества В. Маяковского дает возможность Г.Г. Исаеву выдвинуть тезис о том, что «эксплицитно и на уровне подтекста утверждаются идеи, полностью противоположные идеям В. Маяковского» (с. 148).

Лейтмотивом через всю монографию Г.Г. Исаева проходит мысль о романтическом мировосприятии А. Кусикова, что убедительно доказано в последнем параграфе второй главы, где поэма «Охлябь» интерпретируется с точки зрения поэтики романтизма.

Анализ художественных произведений поэта-имажиниста А. Кусикова получился у профессора Г.Г. Исаева глубоким и достаточно критическим. Апеллируя к уже устоявшимся позициям советского литературоведения, автор монографии, естественно, учитывает точку зрения исследователей, но очень корректно излагает собственную позицию, подкрепляя ее теоретическими основами литературоведческой науки, фактами биографии и историко-культурным контекстом.

Учитывая тот факт, что профессор Г.Г. Исаев представляет свою книгу как исследование творчества поэта-имажиниста Александра Кусикова, адресованное «студентам, преподавателям, филологам, историкам культуры и всем интересующимся русской литературой XX века», опыт создания монографии и научной интерпретации произведений, безусловно, удался. Очень ценно то, что сложные литературоведческие понятия, термины, дефиниции преподносятся автором в форме доступного для понимания диалога с читателем. Такой способ подачи материала во многом обуславливает эффективность усвоения студентами и другой аудиторией читателей основ литературоведческого анализа, интерпретации художественного текста. В этом анализе ощущается стремление автора рецензируемой монографии выйти за рамки литературоведческой науки и использовать для достижения поставленной цели знания, накопленные лингвистикой, философией, историей, культурологией, психологией, логикой.

Книга Г.Г. Исаева, по нашему мнению, будет интересна и очень полезна школьникам, учителям, представителям интеллигенции и другим категориям граждан. Тот факт, что ученый опирается на труды признанных специалистов в различных областях современной науки (В.В. Алексеев, Я.Н. Альтмана, В.В. Базанова, М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева, Н.А. Гуляева, Б.О. Комана, Н.Л. Лейдермана, Ю.М. Лотмана, А.А. Ревякина, Т. Рибо, М.А. Штеймана, Е. Фарино, И.М. Фильштинского, П.А. Флоренского, Й. Хейзенга, В.Е. Хализева, С.В. Якобсона и многих других), закрепляет за исследованием статус добротного междисциплинарного труда, написанного на высоком научно-теоретическом уровне.

Профессору Г.Г. Исаеву удалось создать монументальную работу, которая, безусловно, обогатит последние достижения современной литературоведческой науки, самые разные области гуманитарного знания и займет достойное место в ряду исследований, посвященных истории русского модернизма и авангарда и изучению творческого наследия поэтов XX века.